

Заботы Митрополита Филарета объ устройствъ Московской духовной семинаріи

Перваго Ноября текущаго года исполняется столѣтіе со времени учрежденія Московской духовной семинаріи на началахъ выработанныхъ Высочайше утвержденною въ 1809 г. Императоромъ Александромъ Благословеннымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Коммиссіею духовныхъ училищъ.

Въ теченіи столѣтняго періода своей жизни семинаріа находилась подъ ближайшимъ и непосредственнымъ наблюденіемъ первосвятителей Московскихъ одного архіепископа—Августина, при которомъ она была и учреждена на мѣстѣ Перервинской семинаріи, основанной въ 1775 г. при Николо-перервинскомъ монастырѣ Митрополитомъ Платономъ, и восьми, преемственно смѣнявшихся на Московской кафедрѣ, Московскихъ Митрополитовъ.

Болѣе полувѣка въ историческомъ прошломъ семинаріи протекло подъ зоркимъ и неослабнымъ наблюденіемъ, соединеннымъ съ горячею любовію, мудраго свѣтильника православной церкви Митрополита Филарета. Его руководству и отеческой попечительности Московская семинаріа обязана, помимо благоустройства многихъ другихъ сторонъ ея жизни, даже и самымъ помѣщеніемъ въ настоящемъ „великолѣпно и величественно“, по собственнымъ же словамъ приснопамятнаго святителя, „устроенномъ жилищѣ“. Столь продолжительный періодъ управленія семинаріею Митрополита Филарета, являясь при томъ едва ли не наиболѣе интереснымъ почти во всѣхъ отношеніяхъ, естественно не только оставилъ по себѣ самыя глубокіе слѣды, но и создалъ, какъ бы, правильнѣе сказать, особую „филаретовскую“ эпоху

въ жизни учрежденій, значеніе которой съ того времени осязательно ощущалось и ощущается въ бытѣ заведенія, нерѣдко даже и въ настоящее время. Вотъ почему высокій образъ святителя Филарета на фонѣ прошлой исторической жизни Московской духовной семинаріи является центральной фигурой, и историческое изученіе отношеній Митрополита къ жизни семинаріи, по справедливости, должно быть выдвинуто въ ея исторіи и поставлено на самомъ первомъ мѣстѣ. Къ сожалѣнію вопросъ этотъ доселѣ почти не привлекалъ къ себѣ историческаго вниманія и, конечно, прежде всего, вслѣдствіе трудности разработки того архивнаго матеріала, на основаніи котораго съ большею или меньшею подробностію онъ могъ бы быть обследованъ и изученъ. Обремененные непосредственными своими занятіями члены семинарской педагогической корпораціи, при всемъ желаніи, не имѣли никогда достаточнаго досуга, чтобы усердно заняться нелегкимъ дѣломъ разработки архивнаго матеріала объ означенномъ предметѣ, а лица внѣшнія для семинаріи, хотя, быть можетъ и обязаны послѣдней своимъ среднимъ образованіемъ, но, по выходѣ изъ стѣнъ заведенія, естественно, съ годами, утрачивали интересъ къ прошлымъ историческимъ судьбамъ его.

Въ виду приближающагося столѣтняго юбилея семинаріи, мы имѣемъ въ виду въ настоящемъ очеркѣ коснуться поставленнаго вопроса, хотя также должны сознаться, что дѣлаемъ это далеко не съ желательною полнотою и подробностію, и это по той же самой причинѣ, о которой мы только что упомянули.

Знакомство въ Бозѣ почившаго Митрополита Филарета съ Московскою духовною семинаріею, началась гораздо раньше ознакомленія его съ Московскою епархіею вообще,—именно, имъ всего лишь черезъ полтора года послѣ основанія семинаріи, она официально была признана школою болѣе или менѣе благоустроенною во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Іюль 1815 года, тогда уже извѣстный въ широкихъ общественныхъ кругахъ, ректоръ С.-Петербургской духовной академіи архимандритъ Филаретъ Дроздовъ, знаменитый впослѣдствіи Митрополитъ Московскій, произвелъ первую ревизію семинаріи. Результаты этой первой ревизіи въ исторической жизни семинаріи особенно цѣнны руководственными указаніями, которыя даны были тогдашнему педагогическому персоналу семинаріи и которыя положены были затѣмъ въ основу послѣдующей исторической жизни семинаріи. „Московская духовная семинарія—доносилъ въ своемъ отчетѣ ея первый ревизоръ,—судя по недавнему приведенію ея въ новое, Уставомъ предписанное

устройство, находится въ довольнономъ порядкѣ. Испытаніе, по распоряженію мѣстнаго начальства и согласію обозрѣвающаго, продолжалось два дня и было только устное. Испытать посредствомъ сочиненій предоставлено семинарскому правленію. Испытанія въ герминевтикѣ не было по распоряженію мѣстнаго начальства. Догматическое Богословіе преподано по сокращенію, извлеченному самимъ профессоромъ частію изъ извѣстныхъ книгъ классическихъ, частію непосредственно изъ Св. Писанія: сколько можно было замѣтить, сокращеніе сіе кажется необременительнымъ по пространству своему, по выбору и совокупленію истинъ правильнымъ. Многіе отвѣты учащихъ были удовлетворительны.

„Философскіе уроки, кромѣ Баумейстера, заимствованы были изъ Венцема и Карпе. По требованію учащаго, ученики для изъясненія, какъ они говорили, предлагаемыхъ истинъ, изустно произносили при испытаніи многія мѣста изъ разныхъ древнихъ и новыхъ писателей отъ Пифагора до Шведенборга. Такое ученіе, по моему мнѣнію, болѣе упражняетъ память, нежели образуетъ разсудокъ. Въ самомъ дѣлѣ, ученики, читающіе рѣзко длинныя тирады изъ писателей становились медленными, когда надлежало дать требуемое доказательство, или разрѣшить недоумѣніе въ строгой логической формѣ. Испытаніе въ риторикѣ почти все было на русскій языкъ. Уроки математическіе, сколько можно судить обозрѣвавшему, преподаны были основательно и приняты твердо. Успѣхи въ еврейскомъ языкѣ, кажется, сдѣланы достаточные, судя по тому, что многіе изъ учениковъ приступили къ сему предмету только со времени преобразования, и потому, что книжныхъ пособій для сего предмета доселѣ совѣмъ нѣтъ въ здѣшной библіотекѣ. Совѣтовано мѣстному начальству просить ихъ изъ той части Московской Библіотеки, которая поступила въ академію, доколѣ каталогъ еще не составленъ.

„Библіотека прежней Перервинской семинаріи заслуживаетъ вниманія по части русскіихъ книгъ. Новопоступившая сюда часть Московской библіотеки *) еще не приведена въ порядокъ; впрочемъ видѣть уже можно, что послѣдняя послужитъ для первой очень хорошимъ дополненіемъ особенно по части богословской. Комнаты, въ которыхъ помѣщается библіотека непространны, — впрочемъ достаточны. Учебныя комнаты нескучны. А для образованія залы собранія отнимается перегородка между двумя учебными комнатами, что, конечно, хорошо только

*) Разумѣется Библіотека Славяно-Греко-Латинской Академіи.

по нуждѣ. Жилыя комнаты учащихъ порядочны, только нѣкоторыя не обштукатурены внутри, а слегка выбѣлены; а нѣкоторымъ по близости нечистыхъ мѣстъ недостаетъ свѣжаго воздуха. Сей послѣдній недостатокъ совѣтовано прежде всего устранить, такъ какъ сіе немногого требуетъ. Комнаты ректора очень хороши; прочія комнаты учащихъ не видѣны.

„Для помѣщенія двухъ профессоровъ епархіальный преосвященный безъ пособія комиссіи духовныхъ училищъ, намѣренъ вскорѣ выстроить близъ монастыря деревянный домъ съ тѣмъ, чтобы здѣсь также были комнаты для пансіонеровъ и своекоштныхъ. Намѣреніе сіе, буде исполнится, весьма будетъ благотѣльно для учениковъ; ибо въ квартирахъ здѣсь крайній недостатокъ. Одни живутъ въ деревнѣ болѣе нежели за версту отъ семинаріи; другіе въ слободѣ близъ семинаріи платятъ за квартиру столько, сколько велитъ корыстолюбіе хозяевъ, видящихъ нужду учениковъ въ жилищѣ.

„Недостатокъ сей тѣмъ болѣе нужно отвратить, что нѣкоторые, привыкшіе къ московскому разсѣянію ученики, употребляли и употребляютъ оный предлогъ, дабы уклониться отъ училища. Что найдено при осмотрѣ семинарскаго писмоводства, показываетъ прилагаемая выписка изъ журнала. Что исключенія изъ семинаріи и изъ низшихъ училищъ доселѣ продолжались, въ томъ нельзя винить семинарское начальство: ибо опытъ показываетъ, что испытаніемъ и исключеніемъ неспособныхъ, при образованіи семинаріи, училища не были еще очищены. Изъ числа восьмидесяти девяти исключенныхъ изъ Московской семинаріи въ прошедшемъ Декабрѣ многіе сами настоятельно требовали быть исключенными, иные совсѣмъ не явились въ училище, иные были взяты или подозрѣваемы были гражданскимъ начальствомъ въ преступленія. Сей опытъ доказываетъ, что преобразование училищъ пришло на помощь училищному начальству, дабы избавить его отъ праздныхъ, избалованныхъ дѣтей, которые, къ оскорбленію своего природнаго званія, носили имена академистовъ, не бывъ почти знаемы академіею. Конечно зло сіе глубоко пустило корни, когда и доселѣ неискоренено еще, и еще затрудняетъ начальство семинарское. Четыре ученика богословскаго отдѣленія Ярцевъ, Смирновъ, Ивановъ и Троицкій требуютъ исключенія изъ семинаріи. Другіе четверо совсѣмъ не являются: Никулинскій, Шумовъ, Воскресенскій, Валединевъ. Достойно примѣчанію побужденіе, которымъ управляются и котораго даже не скрываютъ первые четыре. Признавая себя низшими своихъ товаришей по успѣхамъ, они боятся, что по окончаніи курса будутъ въ занятіи мѣсть

упреждаемы своими товарищами; а бывъ исключены теперь, надѣются получить хорошія священническія мѣста.

„Почитая сей соблазнъ весьма вреднымъ для училища. если ему не будутъ поставлены преграды, я долгомъ поставляю довести сіе до свѣдѣнія Коммиссіи духовныхъ училищъ и предать ея усмотрѣнію“.

Къ донесенію сему былъ приложенъ слѣдующій документъ, на которомъ помѣта: „Свидѣтельствовано. Августинъ, архіепископъ Дмитровскій. Іюля 13 д. 1815 г.

Предписанное Коммиссіей духовныхъ училищъ обзорніе классовъ Московской семинаріи соединено съ открытымъ испытаніемъ, назначеннымъ на сей день мѣстнымъ начальствомъ; испытаніе началось въ присутствіи Его Высокопреосвященства въ 9 ч. утра и кончилось въ часъ пополудни. Предложены были къ испытанію: богословіе, церковная исторія, философія. Часть вечерняго времени употреблена была въ сей день для осмотра семинарскаго письменоводства.

„Іюля 14 дня 1815 г. Испытаніе въ прочихъ предметахъ учебныхъ принадлежащихъ семинаріи отъ 9 утра до второго часу по полудни. Осмотръ семинарскихъ дѣлъ продолжался какъ въ утренніе часы до испытанія, такъ отчасти и послѣ онаго; закончено осмотромъ библіотеки и дома семинарскаго. Семинарскому правленію предложено:

1., На основаніи 162 п. семинарскаго устава испытать учениковъ посредствомъ сочиненій, такъ какъ сего доселѣ не сдѣлано.

2., Приводить текуція дѣла семинарскаго правленія въ порядокъ чрезъ соединеніе вступающихъ въ оное бумагъ со списками данныхъ по нимъ рѣшеній, отпусковъ и т. д., ровно и образованіе архива оконченныхъ дѣлъ не отсрочивать.

3., Такъ какъ постепенное въ теченіе прошедшаго года устроеніе семинаріи нынѣ можно уже почитать оконченнымъ, то прекратить разновременное исключеніе и увольненіе учениковъ изъ семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ ок., а дабы нерадивые и ненадежныя ученики не обременяли безъ пользы учителей, то не опускать случая очищать отъ нихъ училище послѣ публичнаго испытанія на основаніи 173 п. семинарскаго устава; и какіе нынѣ ученики назначаются къ исключенію, дать знать обзорѣвающему.

4., Обучающему словесности поставить въ виду, чтобы особенное приложилъ стараніе поддерживать и возвышать значеніе латинскаго языка и практическую часть словесности, сообразно съ 127, 128 и 129 п. семинарскаго устава.

5., Приступить къ описанію бібліотеки по новой классификаціи.

6., Дать обзорѣвающему перечневое показаніе о ученикахъ, содержащихся на полномъ казенномъ содержаніи, или пользующихся другими казенными вспоможеніями, и объ остающихся затѣмъ на своемъ содержаніи и о томъ, достаточны ли настоящія пособія для бѣдныхъ учениковъ.“

О лицахъ начальствующихъ и учащихъ въ семинаріи первый ревизоръ въ тоже время далъ такой поличный отзывъ.—

Ректоръ архимандритъ Евгеній¹⁾ отлично способенъ къ должности профессора и неутомимо прилеженъ. Въ управленіи строгъ, въ случаяхъ недоумѣній остороженъ, даже до недовѣрчивости: образомъ жизни назидателенъ.

Инспекторъ философіи іеромонахъ Веніаминъ²⁾ способенъ довольно и очень прилеженъ, хотя впрочемъ не во всемъ слѣдовалъ совершенной методъ ученія. по недостатку руководствъ къ лучшей.

¹⁾ Любимецъ и постоянный собесѣдникъ митрополита Филарета въ послѣдніе годы жизни святителя, архимандритъ Евгеній Казанцевъ обучался въ Сергіево-Лаврской семинаріи. Въ 1800 г. опредѣленъ учителемъ высшаго грамматическаго класса въ Виѣанской семинаріи. 1804 г. сдѣланъ префектомъ и учителемъ философіи въ той-же семинаріи; въ томъ же году постриженъ въ монашество. Въ 1808 г. опредѣленъ инспекторомъ и бакалавромъ философскихъ наукъ въ С.-Петербур. духовную Академію. Въ Февралѣ 1810 г. назначенъ ректоромъ и учителемъ Богословіи Троицкой семинаріи; съ Іюня того же года игуменъ угрѣшскаго монастыря, а съ Августа архимандритъ Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Въ 1811 г. архимандритъ можайскаго Лужецкаго монастыря; а съ 1814 г. архимандритъ Ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря. Въ томъ же году опредѣленъ ректоромъ и богословскихъ наукъ профессоромъ въ только что открытую Московскую семинарію, гдѣ и былъ до Октября 1817 г., когда перемѣщенъ въ Донской монастырь настоятелемъ и сдѣланъ членомъ Московской Синодальной конторы. Съ 1818 г. епископъ курскій, съ 1822 г. архіепископъ Псковскій; 1825 г.—Тобольскій; 1831—Рязанскій; 1837—Ярославскій. Въ 1853 г. уволенъ на покой съ управленіемъ Донскимъ монастыремъ, гдѣ и скончался 27 Іюля 1871 года.

²⁾ А. Веніаминъ (съ 1814—1817 г.). Съ 1797 г. обучался въ Перервинской семинаріи, а съ 1802 г. въ Спасо-Виѣанской семинаріи. Въ 1808 г. учитель грамматики и греческаго языка въ Перервинской семинаріи. Въ 1809 г. постриженъ въ монашество и сдѣланъ учителемъ высшаго краснорѣчія и риторики въ Троицкой семинаріи. Въ 1812 г. переведенъ въ Спасо-Виѣанскую семинарію въ префекта и философіи учителя. Въ Январѣ 1814 г. назначенъ префектомъ же и учителемъ философіи въ Лаврскую семинарію, а въ Августѣ того же года опредѣленъ Московской семинаріи инспекторомъ и философскихъ наукъ профессоромъ. Въ Мартѣ 1817 г. возведенъ въ санъ архимандрита Серпуховскаго монастыря, а въ Октябрѣ того же года перемѣщенъ ректоромъ въ Виѣанскую семинарію. Въ 1818 г. уволенъ на покой въ Успенскій Уфимскій монастырь.

Кандидатъ Лошаковъ¹⁾ способенъ и прилеженъ, но въ преподаваніи уроковъ кажется не безъ недостатковъ по неопытности.

Кандидатъ Богдановичъ²⁾ способенъ довольно и отлично прилеженъ. Кандидатъ Лебедевъ³⁾ способенъ и прилеженъ. Профессоръ Покровскій⁴⁾ по всѣмъ признакамъ отлично свѣдуецъ въ главномъ своемъ предметѣ, который есть математика и вѣренъ своей должности, но, кажется, страждетъ или, по крайней мѣрѣ, не довольно благодушествуетъ, будучи при выходѣ изъ Академіи оставленъ въ низшей степени академической.

Экономъ іеромонахъ Сергій⁵⁾ неспособнымъ незамѣченъ.

Спустя два года послѣ этой первой ревизіи при новыхъ уже ближайшихъ начальникахъ и руководителяхъ семинаріи ректорѣ—архимандритѣ Паревніи и инспекторѣ игуменѣ Θεоктистѣ⁶⁾ въ 1818 г.

1) Степанъ Ефимовичъ Лошаковъ (1814—1818 г.), Кандидатъ I-го курса С.-Петербургской Академіи 1814 г. и съ того же года профессоръ словесности и нѣмецкаго языка въ Московской семинаріи. Въ Октябрѣ 1818 г. уволился изъ семинаріи для поступленія въ гражданскую службу.

Въ день торжества открытія семинаріи на Перевѣ въ 1814 г. 1-го Ноября на торжественномъ семинарскомъ актѣ онъ произнесъ рѣчь на тему или на сужденіе о томъ, что „Науки, кругъ духовнаго воспитанія составляющія, даютъ словесности жизнь и крѣпость, а отъ нея взаимно пріемлютъ красоту и пріятность“.

2) Александръ Петровичъ (съ 1814—1822 г.) изъ смоленской семинаріи: кандидатъ I-го курса С.-Петербургской Академіи 1814 г. съ того же года профессоръ греческаго и еврейскаго языка въ Московской семинаріи, съ 1818 г. священникъ Софійской на Лубяницѣ церкви, въ Москвѣ.

3) Егоръ Никитичъ Лебедевъ (1814—1818 г.) также кандидатъ I-го курса С.-Петербургской духовной Академіи, окончившій курсъ въ оной въ 1814 г. и въ томъ же году опредѣленный въ Московскую семинарію профессоромъ всеобщей и церковной исторіи, а съ Ноября того же года состоялъ еще и бібліотекаремъ при семинаріи. Въ Октябрѣ 1818 г. уволился изъ семинаріи для поступленія на гражданскую службу.

4) Александръ Евлампіевичъ (1814—1816 г.) Студентъ С.-Петербургской Академіи I-го выпуска, окончившій курсъ въ 1814 г. съ того же года профессоръ математики, физики и французскаго языка въ Московской семинаріи, а съ Ноября того же года секретарь семинарскаго правленія. Въ Мартѣ 1816 года переведенъ въ Московскую дух. Академію бакалавромъ математики. Въ 1818 г. поступилъ въ Москву во священники. Скончался въ 1860 г. въ санѣ протоіерея придворнаго Верхоспасскаго собора.

5) Изъ братіи Николоперевинскаго монастыря съ Сент. 1814 г. по Октябръ 1815 г.

6) Парфеній Чертковъ (1817—1819 г.). По окончаніи курса въ славяно-греко-латинской академіи въ 1803 г. былъ учителемъ, а затѣмъ префектомъ въ той же академіи. Постриженный въ томъ же году въ монашество въ 1811 г. произведенъ въ архимандрита

тѣмъ ревизоромъ произведено было вторичное обозрѣніе Перервинской Московской семинаріи. Это обозрѣніе, какъ доносилъ обозрѣвающій ревизоръ, „ограничено было также временемъ открытаго испытанія, которое, по распоряженію мѣстнаго начальства, происходило два дня и два собранія“. Вмѣстѣ со списками сихъ собраній ревизоръ представлялъ въ Комиссію дѣховныхъ училищъ конспектъ испытаній, предварительные списки и записку о числѣ учениковъ, содержимыхъ семинаріею.

„Испытаніе въ богословскихъ наукахъ производимое профессоромъ, по отзыву ревизора, имѣло недовольно систематическій видъ; подобно какъ сей же недостатокъ можно примѣтить и въ самомъ конспектѣ. Но нѣкоторые ученики отличались отвѣтами на непредвидѣнные вопросы. Состояніе класса философскаго сходно съ состояніемъ богословскаго. Профессоръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не бралъ на себя отвѣтственности за содержаніе испытанія, представляя, что уроки читаны были его предшественникомъ. Испытаніе въ богословіи и философіи посредствомъ сочиненій произведено, по окончаніи открытаго испытанія, приватно, причемъ нѣкоторыя сочиненія найдены основательными. Въ урокахъ словесности замѣчены повторенія общихъ правилъ тамъ, гдѣ общаны особыя наставленія, приспособленныя къ краснорѣчію церковному.

„Впрочемъ практическое испытаніе было удачно. Опись семинарской библіотеки по новой классификаціи сдѣлана профессоромъ Лебевъ Московской Крестовоздвиженскій (нынѣ упраздненный) монастырь. Съ 1814 г. настоятель Лужецкаго монастыря и ректоръ Спасо-Виеанской семинаріи. Съ 1817 г. настоятель Заиконоспасскаго монастыря и ректоръ Московской семинаріи, въ каковой должности состоялъ до 1819 г., когда затѣмъ перемѣщенъ былъ въ Донской монастырь настоятелемъ и сдѣланъ членомъ Московской Синодальной конторы. Съ 1821 года епископъ, а съ 1833 г. архіепископъ владимирскій—въ 1850 г. воронежскій: скончался въ 1853 г. Игуменъ Θεоктистъ-Орловскій (съ 1817—1819 г.); по окончаніи курса въ славяно-греко-латинской академіи въ 1809 г. былъ въ ней же сначала информаторомъ французскаго языка, а затѣмъ учителемъ поэзіи, географіи, риторики, исторіи и другихъ предметовъ. Въ 1814 г. постриженъ въ монашество и назначенъ бакалавромъ французскаго языка въ Московскую академію: въ сентябрѣ 1815 г. былъ переведенъ въ нѣмецкій класъ. Въ Октябрѣ 1817 г. опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ Московскую семинарію, въ которой съ Августа 1819 г. былъ потомъ и ректоромъ. Въ 1818 г., еще въ должности инспектора семинаріи былъ произведенъ въ игумена третьекласснаго Знаменскаго монастыря, а затѣмъ въ архимандрита Серпуховскаго Высоцкаго монастыря. Въ 1820 г. назначенъ настоятелемъ Заиконоспасскаго ставропигіальнаго монастыря; въ санѣ архимандрита, Θεоктистъ и скончался въ 1829 году, состоя настоятелемъ Боголюбова монастыря, Владимірской епархіи. Это былъ одинъ изъ немногихъ ректоровъ Московской семинаріи недостигшій впоследствии епископскаго сана.

девымъ и уже рассмотрѣна и утверждена семинарскимъ правленіемъ. Столовая и жилыя комнаты учениковъ найдены въ опрятности. Столовая не помѣщаетъ всѣхъ учениковъ и потому они обѣдаютъ двумя отдѣленіями—одни послѣ другихъ. Большой, вновь выстроенный для помѣщенія ихъ и нѣкоторыхъ профессоровъ, домъ внѣ монастыря занимается не только безъ тѣсноты, но и съ остатками мѣста. Жаль, что сіе просторное зданіе, сдѣланное изъ хорошаго матеріала, имѣетъ недостатки, происшедшіе отъ погрѣшности архитектора. Потолки гнутся, потому что доски не довольно укрѣплены, окна плѣсневіють, потому что вмѣсто двухъ оконницъ поставлено по два стекла въ одну раму.

„Своекоштные ученики за содержаніе ихъ пищею и отопленіемъ вносятъ менѣе 70 р. въ годъ. Число таковыхъ простирается до 90. Въ содержаніи же казенныхъ воспитанниковъ штатною суммою семинарское правленіе, по свидѣтельству ректора, весьма затрудняется по дороговизнѣ, много прибавившейся въ Москвѣ въ короткое время“.

Къ изложенному донесенію приложенъ слѣдующій документъ: „Въ Московской семинаріи происходило открытое испытаніе учениковъ въ философіи, математикѣ, физикѣ и риторикѣ. Оно началось съ половины 3-го утра. Испытаніе въ наукахъ философскихъ продолжалось два часа. Замѣчено, что нѣкоторые ученики на непредвидѣнные вопросы отвѣтствовали съ довольномъ разсужденіемъ. Испытаніе въ математикѣ и физикѣ продолжалось три четверти часа. Испытаніе въ риторикѣ два часа. Нѣкоторые ученики даже перваго разряда, дабы отвѣтствовать на вопросы, данныя по конспекту, прибѣгали къ учебной книгѣ. Но изустныя опыты періодической рѣчи на данную матерію произнесены были безъ замедленія, въ не маломъ числѣ не безъ обилія мыслей и не безъ чистоты языка латинскаго. Юля 10 дня 1818 г. въ присутствіи Его Высокопреос-ва Митрополита Августина въ Московской семинаріи происходило испытаніе въ богословіи, всеобщей и церковной исторіи и въ языкахъ еврейскомъ, греческомъ нѣмецкомъ и французскомъ. Оно началось въ половинѣ 10-го и окончилось $\frac{3}{4}$ перваго по полудни.—Нѣкоторые ученики высшаго отдѣленія на непредвидѣнные богословскіе вопросы отвѣтствовали разсужденіемъ довольно свободнымъ; на вопросы изъ церковной исторіи о предметахъ, назначенныхъ въ конспектѣ, впрочемъ побочныхъ, отвѣтствовали недостаточно. Разборъ еврейскаго текста и опытъ экстенпоральнаго перевода на еврейскій были удовлетворительны. Разрядный списокъ найденъ несоответствующимъ уставу и число учениковъ перваго разряда, т.е. отличныхъ далеко превосходитъ третью часть всего списка, долженствующую

щаго состоятъ изъ трехъ разрядовъ. Третьяго разряда совсѣмъ не сдѣлано. Для поступленія въ академію избраны Михаилъ Терновскій, Петръ Терновскій, Сергій Терновскій, Моисей Молчановъ Никифоръ Зерчаниновъ, Василій Радонежскій¹⁾). Личная аттестація начальствующихъ и учащихъ въ семинаріи въ эту ревизію Филаретомъ была представлена такая: „Ректоръ и профессоръ богословскихъ наукъ архимандритъ Пареній показываетъ болѣе зрѣлости въ познаніяхъ, нежели прежде (онъ былъ изъ ректоровъ Виѣанской семинаріи и аттестованъ былъ Филаретомъ при ревизіи оной семинаріи). Въ управленіи прежнее снисхожденіе едва ли не простираетъ до послабленія. Напримѣръ, не желая огорчать нѣкоторыхъ учениковъ, онъ, вопреки правиламъ устава, не сдѣлалъ въ высшемъ отдѣленіи третьяго разряда и назначенныхъ другими профессорами въ третій ввелъ во второй.— Инспекторъ и профессоръ богословскихъ наукъ игумень Теокистъ способенъ и благонадеженъ. Объ остальныхъ преподавателяхъ ревизоромъ глухо замѣчено, что они аттестованы въ первую ревизію. Относительно лишь профессора Стефана Лошакова сказано, что онъ „смертію жены увлеченъ изъ духовнаго званія и училищной службы“. „Экономъ²⁾), священникъ не служащій при церкви, „не довольно сказываютъ, писалъ ревизоръ, исправенъ, потому что недовольно трезвъ“.

¹⁾ Послѣдующая судьба этихъ первыхъ вышедшихъ изъ семинаріи учениковъ была слѣдующая: Михаилъ Григорьевичъ Терновскій—магистръ Московской духовной академіи 1822; съ этого же года профессоръ церковной всеобщей исторіи въ Московской семинаріи. Съ 1826 г. состоялъ священникомъ при церкви Черниговскихъ Чудотворцевъ въ Москвѣ.

Петръ Терновскій—магистръ Москов. духовной Академіи выпуска того же 1822 г. Съ Февраля 1827 г. священникъ, и затѣмъ протоіерей въ Москвѣ, докторъ Богословія и профессоръ Московскаго Университета.

Сергій Терновскій—магистръ Московской д. Академіи выпуска того же года; съ того же года профессоръ словесности и нѣмецкаго языка въ Московской семинаріи. Съ 1824 г. секретарь семинарскаго правленія. Съ 1826 г. священникъ въ Москвѣ. Скончался въ 1868 г. въ санѣ протоіерея Московской, Вознесенской, у Серпуховскихъ воротъ, церкви. Всѣ трое Терновскихъ—родные братья.

Моисей Молчановъ—первый магистръ Московской дух. Академіи выпуска 1822 г. О дальнѣйшей судьбѣ его неизвѣстно.

Никифоръ Тимофеевичъ Зерчаниновъ (1822—1826 г.) Магистръ Московской академіи выпуска 1822 г. Съ того же года профессоръ греческаго и еврейскаго языковъ и библіотекарь въ Московской семинаріи. Съ 1828 г. священникъ, а затѣмъ протоіерей Московской Николаевской Больше-Крестовской церкви.—О судьбѣ отправленнаго въ Академію студента Московской духовной семинаріи перваго выпуска Василія Радонежскаго неизвѣстно. Онъ даже неотмѣченъ и въ спискахъ Академіи, причисленныхъ къ исторіи оной, составленной Серг. Констант. Смирновымъ.

²⁾ Священникъ Николай Стефановъ. Окончилъ курсъ въ Славяно-греко-латинской Академіи въ 1814 г. и былъ сельскимъ священникомъ, а съ Мая 1817 до Декабря 1818 г. экономомъ при Московской семинаріи.

Подробно ознакомленный съ строемъ и бытомъ Московской жизни и поставивши жизнь заведенія своими мудрыми совѣтами и указаніями на правильный путь съ самаго начала Митрополитъ Филаретъ не прекращалъ затѣмъ своей благопопечительной заботливости о Семинаріи во все дальнѣйшее время, когда въ качествѣ первоіерарха Московской церкви въ санѣ Митрополита, принялъ въ свои руки кормило управленія всѣми епархіальными учрежденіями. Въ числѣ многихъ учрежденій епархіи семинарія во все время пребыванія Митрополита Филарета на Московской кафедрѣ всегда являлась едва ли не первымъ учрежденіемъ, на которое обращены были взоры святителя. Быстрымъ и проницательнымъ взглядомъ своимъ, окинувъ всѣ учрежденія Московской епархіи, митрополитъ Филаретъ немедленно понялъ истинныя нужды подвѣдомственной ему семинаріи.

А эти нужды стали заявлять о себѣ почти что съ самаго перваго дня учрежденія семинаріи. И въ числѣ ихъ едва ли не самую первой было самое открытіе семинаріи вдали отъ Москвы, въ провинціи, на Перервѣ. Открытіе семинаріи здѣсь, естественно, не нравилось столичному духовенству. Объ этомъ въ первые же дни послѣ открытія семинаріи заявлялъ тогдашній Первосвятитель Московскій архіепископъ Августинъ. Такъ 26 Ноября 1814 г. онъ писалъ С.-Петербургскому митрополиту Амвросію: „Московскіе священники скучаютъ тѣмъ, что дѣти ихъ переведены для ученія на Перерву и отлучены за семь верстъ отъ своихъ матерей, на лонѣ коихъ они безотлучно почивали среди нѣги и баловства. Отцы духовные и дѣтей духовныхъ заставляютъ кричать; но я увѣренъ, что перемѣщеніе Академіи (т. е. Сл.-гр.-лат.) въ Лавру и учрежденіе семинаріи на Перервѣ и въ Виѣаніи послѣ полюбится самимъ воспитанникамъ и ихъ родителямъ какъ полезнѣйшее учрежденіе“. Дальнѣйшая исторія семинаріи однако не подтвердила высказаннаго высокопреосвященнѣйшимъ Августиномъ предположенія. Во время пребыванія нашей семинаріи на Перервѣ, нерѣдко происходили „недовольства и волненія“ среди питомцевъ школы, которыя на современномъ языкѣ можно было-бы точнѣе назвать „семинарскимъ бунтомъ или забастовкой“. Они всегда, какъ это обычно по семинаріямъ и въ наши дни, возникали по многоразличнымъ поводамъ и на разной почвѣ. Но основная причина всѣхъ ихъ всегда лежала въ одномъ — недовольствѣ помѣщенія семинаріи внѣ Москвы. О пресловутыхъ „перервпнскихъ похожденіяхъ“ семинаристовъ, ихъ бунтахъ и волненіяхъ можно было бы написать цѣлую эпопею — на основаніи хотя бы лишь одного преданія, переходящаго изъ устъ въ уста среди поколѣній духовенства... Но то, что успокаивало основателя семина-

ріи—Августина, далеко не по мысли было Митрополиту Филарету. Послѣднему также, повидимому, болѣе всего не нравилось учрежденіе семинаріи на Перервѣ уже и тогда, когда онъ знакомился съ ея бытомъ въ качествѣ ревизора. Вотъ что рассказываетъ по поводу взглядовъ Филарета на этотъ предметъ ученикъ тогдашней семинаріи, оставившій намъ любопытные и исполненные самаго живого интереса мемуары о семинарскомъ бытѣ тогдашняго времени. „Послѣ экзаменовъ (произведенныхъ ревизоромъ архимандритомъ Филаретомъ) у ректора былъ обѣдъ, на которомъ, кромѣ ревизора и своихъ профессоровъ, случилось много лицъ постороннихъ; духовные и свѣтскіе, пріѣхавшіе изъ Москвы. За обѣдомъ зашла рѣчь о неудобствѣ московской семинаріи быть не въ Москвѣ: многимъ отцамъ трудно содержать дѣтей на квартирахъ; многіе изъ учениковъ семинаріи имѣютъ въ уздныхъ и приходскихъ училищахъ братьевъ, которыхъ они могли бы руководить; сами же, не вида кромѣ деревни ничего, грубѣютъ и отвыкаютъ отъ обращенія съ людьми хорошаго тона. Всѣ эти сужденія, съ которыми соглашался и ревизоръ,—добавляетъ авторъ мемуаровъ,—я слышалъ находясь въ комнатахъ ректора“ *).

Всего лишь черезъ годъ по вступленіи на московскую кафедру Митрополитъ Филаретъ далъ духовенству предписаніе отъ 14 Января 1822 г., въ которомъ перечисляя удобства и неудобства помѣщенія семинаріи при Перервинскомъ монастырѣ и въ то же время, не указывая опредѣленнаго новаго для нея мѣста, тѣмъ не менѣе склонялся къ мысли, что „помѣщеніе семинаріи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ представляетъ особенную удобность для дѣтей Московскаго духовенства“, хотя оно въ то же время „не обѣщаетъ довольно простора, подвержено опасности разсѣянія и сопровождается новымъ затрудненіемъ въ размѣщеніи низшихъ училищъ“. Согласно сему предписанію Филаретъ предложилъ составить „изъ начальниковъ Московскихъ и духовенства Московскаго для отысканія новаго мѣста для семинаріи Комитетъ дабы,—какъ выражался святитель,—открыть, что сообразно съ пользою воспитанія и съ удобностію воспитывающаго дѣтей духовенства“. Такъ, благодаря стараніямъ митрополита Филарета, началось дѣло о перемѣщеніи московской семинаріи въ Москву. Комитетъ склонялся къ мысли о перемѣщеніи семинаріи въ московскій Заиконоспасскій монастырь, въ зданіе прежней Славяно-греко-латинской академіи, о чемъ представлялъ Митрополиту обстоятельно мотивированное донесеніе. Послѣднее было направлено Филаретомъ въ св. Синодъ

*) *Взглядъ на собственную прошедшую жизнь.* Измайловъ, Москва 1860 г., стр. 111.

6 Февраля 1822 г. со слѣдующимъ замѣчаніемъ святителя: „Въ чаяніи, что сіе помѣщеніе будетъ удобнѣе, соглашаюсь съ мнѣніемъ Комитета, и благопочтительнѣйше испрашиваю разсмотрѣнія онаго и разрѣшенія“. Пока въ Синодѣ разсматривалось донесеніе Московскаго Комитета, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ происходила спѣшная работа по приспособленію пустовавшихъ помѣщеній бывшей Академіи для нуждъ семинаріи. Мудрая мысль архипастыря о перемѣщеніи семинаріи въ столицу была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ въ Синодѣ, который полностью утвердилъ представленный Филаретомъ докладъ Комитета и смѣту на перестройку и приспособленіе зданій для семинаріи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. И вотъ 1 Сентября 1823 года къ началу второго учебнаго года пятаго своего курса, благодаря заботамъ архипастыря, московская духовная семинарія была переведена въ Москву, въ Заиконоспасскій монастырь. Но не прекратились заботы благопечительнѣйшаго архипастыря объ изысканіи наилучшаго помѣщенія для семинаріи и съ перемѣщеніемъ послѣдней въ столицу. Эти заботы особенно удручали святителя Филарета съ того времени, какъ Императоръ Николай I 6 Декабря 1829 г. далъ указъ на имя святѣйшаго Синода о томъ, чтобы воспитанниковъ „достигшихъ семинарій и признанныхъ способными къ продолженію въ нихъ наукъ, всѣхъ безъ изыятія содержать на казенномъ иждивеніи, снабжать житељствомъ и одеждою, и сообразно сему составить смѣты училищныхъ зданій“. Семинарскій корпусъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, по тѣснотѣ своего помѣщенія, далеко не былъ приспособленнымъ и пригоднымъ для осуществленія Высочайшей воли, выраженной въ означенномъ указѣ. Вотъ почему Высокопреосвященный Митрополитъ московскій дѣятельнѣйшимъ образомъ принялся за присканіе для семинаріи новаго лучшаго помѣщенія. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ учрежденная Митрополитомъ особая комиссія работала надъ вопросомъ объ отысканіи въ столицѣ новаго удобнѣйшаго помѣщенія для духовной семинаріи. По указанію Митрополита Филарета комиссіею осмотрѣны были земля и домъ г. Дурново, находящійся рядомъ съ Высокопетровскимъ монастыремъ; монастыри Богоявленскій, Знаменскій, Срѣтенскій, Андроніевскій, Высокопетровскій, Покровскій, Даниловскій, Симоновскій и Новоспасскій, такъ называемое Заборовское подворье, домъ генерала Малиновскаго у Красныхъ воротъ и домъ купца Милюкова на Дѣвичьемъ полѣ. Но—то по неудобству зданій, особенно монастырскихъ, то по высотѣ цѣны частновладѣльческихъ помѣщеній, комиссія не рѣшалась долгое время сдѣлать выбора покупки.

Когда о дѣятельности комиссія и движеніи ея работъ въ концѣ концовъ, по существующему порядку, доведено было до свѣдѣнія

Государя Императора, то Его Величеству благоугодно было сдѣлать указаніе на *домъ графа Остермана*—за большимъ Каретнымъ рядомъ, имѣвшій при себѣ усадьбу въ 20,980 квадратныхъ саженихъ земли съ обширнымъ вѣковымъ липовымъ паркомъ, на ней расположеннымъ. Означенный домъ такимъ образомъ и пріобрѣтенъ былъ у наследниковъ графа Остермана за баснословно дешевую по настоящему времени цѣну за сто десять тысячъ рублей. Московская духовная семинарія, такимъ образомъ, едва ли не единственное въ имперіи духовно-учебное заведеніе, помѣщеніе для котораго было предуказано Монаршимъ благоусмотрѣніемъ. Этотъ знаменательный фактъ долженъ быть особенно отмѣченъ въ столѣтній юбилей семинаріи. Покупка Остермановскаго для семинаріи дома была совершена въ С.-Петербургской гражданской палатѣ 22-го Ноября 1834 г. Но для водворенія семинаріи во вновь купленное помѣщеніе потребно было время еще цѣлаго десятилѣтія, и это время кажется, по преимуществу сопряжено было съ длиннымъ рядомъ заботъ и хлопотъ со стороны Московскаго святителя по приведенію въ достоуверенный порядокъ и приспособленію для подлежащихъ цѣлей покупки. Купленные зданія стояли обгорѣлыми со временъ французскаго погрома и только нѣкоторыя изъ нихъ удалось наскоро приспособить для помѣщенія нѣсколькихъ профессоровъ и общежитія небольшого числа полукоштныхъ семинаристовъ. Только лишь къ осени 1844 г. послѣ напряженныхъ трудовъ и усилій по изысканію средствъ удалось закончить переустройство и приспособленіе Остермановскихъ зданій для семинаріи. Одновременно съ заботами по внѣшнему устройству семинаріи, совершался и во внутреннемъ ея строѣ сложный процессъ обновленія по началамъ учебнаго плана 1840 года. Только лишь перваго Ноября 1844 г. московская духовная семинарія какъ бы собственною рукою, если позволительно сказать образно, столь рачительно доселѣ благоустроившаго судьбу ея святителя введена была въ новый, доселѣ занимаемый ею домъ и водворена въ немъ. Филаретъ самъ совершалъ въ ней освященіе храма и соизволилъ напутствовать семинарію на новое поприще ея дальнѣйшей жизни высокопоучительнымъ словомъ. Завѣтныя священныя слова мудраго свѣтильника, высказанныя въ этомъ напутствіи, золотыми буквами должны бы были быть начертаны на стѣнахъ семинаріи и ежегодно припоминаемы вступающимъ въ семинарію ея питомцамъ*). Съ рачительною забот-

---

*) Первовиннику, предуказавшему настоящее мѣсто для Московской духовной семинаріи, Государю Императору Николаю Павловичу чрезъ тогдашняго оберъ-прокурора Св. Синода графа Н. А. Протасова Московскимъ святителемъ поднесена была икона тезоименитаго Государю Николаю Чудотворца „какъ благоговѣнное приношеніе вѣропод-

ливостію приуготовавъ помѣщеніе для Московской духовной семинаріи „въ вельможескомъ,“ какъ выражался благозаботливый архипастырь, домѣ, онъ не только не прекратилъ своихъ заботъ о семинаріи, но, какъ бы точнѣе сказать, и усугубилъ ихъ. Особенно внимательно относился великій іерархъ съ этого времени къ матеріальному положенію семинаріи, стараясь помогать ей въ ея многоразличныхъ нуждахъ. Такъ по его ходатайству Святѣйшимъ Синодомъ въ 1859 г. въ полтора раза противъ прежняго увеличены были оклады служащихъ въ семинаріи. Въ 1862 г. по его резолюціи Перервинскимъ монастыремъ внесена была сумма въ 25 т. рублей, увеличенная, затѣмъ, путемъ выгодной перепродажи до 34 тысячъ, проценты съ которой расходовались на содержаніе бѣдныхъ учениковъ семинаріи. Особенное благоволеніе къ семинаріи выказалъ Митрополитъ въ 1864 г. Этотъ годъ оканчивалъ пятидесятилѣтній періодъ существованія семинаріи. Предстоявшій историческій праздникъ семинаріи былъ какъ бы величайшимъ праздникомъ и для самого Митрополита Филарета. Это было вполне естественно и понятно, если припомнить, что Московская духовная семинарія вступила подъ покровительство великаго святителя, такъ сказать, съ самыхъ первыхъ дней своей жизни и первыхъ же дней святительскаго служенія Филарета въ первопрестольной Москвѣ, и неизмѣнно пользовалась онымъ въ теченіе времени болѣе полувѣка. Съ глубокою радостію исходатайствовано было Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Высочайшее разрѣшеніе на дозволеніе праздновать 1-го Ноября 1864 г. пятидесятилѣтній юбилей семинаріи. Къ самому же дню юбилея въ благословеніе заведенію Митрополитомъ Филаретомъ былъ переданъ драгоцѣнный даръ—Нерукотворенный образъ Христа Спасителя. Помимо этого драгоцѣннаго дара Митрополитъ первымъ откликнулся въ числѣ жертвователей и нескуднымъ матеріальнымъ пособіемъ семинаріи. Передъ самымъ праздникомъ юбилея, въ Октябрѣ 1864 г. онъ предложилъ щедрый денежный даръ, назначеніе котораго определялъ въ слѣдующихъ словахъ: „Съ ая въ память дня совершившагося пятидесятилѣтія Московской семинаріи что нибудь основать ея будущимъ днямъ и ознаменовать сочувствіе къ дѣятелямъ ея, предлагаю семь тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы онѣ внесены были въ кредитное установленіе и проценты съ нихъ ежегодно присуждаемы были въ качествѣ пособія и поощренія одному изъ наставниковъ семинаріи во вниманіе къ немаловременному и особенно полезному служенію“. Его

данническихъ благодарно молящихся сердець“. Его Величеству благоугодно было принять означенное приношеніе и написать на докладѣ Филарета объ открытіи семинаріи въ новомъ помѣщеніи и освященіи семинарскаго храма „*Благодарить*“. 5-го Декабря 1844 г.

Высокопреосвященствомъ сверхъ указанной суммы даровано было тогда же еще 1000 рублей „на устройство праздничной трапезы для семинарскихъ гостей.“ Относительно пожертвованія этой послѣдней суммы современники пятидесятилѣтія семинаріи передавали слѣдующій не лишенный, интереса разсказъ. Когда ректоръ семинаріи архимандритъ Игнатій *) явился къ Филарету съ докладомъ и представилъ списокъ имѣющихъ быть приглашенными на торжество гостей, то митрополитъ, выслушавъ списокъ, сказалъ: „вотъ гостей-то назовешь, а чѣмъ угощать будешь, подумалъ ли?“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, не дожидаясь отвѣта ректора, удалился въ кабинетъ и вынесъ, вернувшись, означенную сумму, вручивъ ее ректору. Кромѣ матеріальнаго пожертвованія, вслѣдствіе ходатайства Его Высокопр-ва предъ Св. Синодомъ о награжденіи по случаю пятидесятилѣтняго юбилея семинаріи служащихъ при ней должностныхъ лицъ, послѣдовалъ изъ Святѣйшаго Синода указъ, которымъ объявлялись всѣмъ поименованнымъ въ представленіи Митрополита Филарета лицамъ разныя награды орденскими знаками отличія, денежными суммами и др.—Не лишены были благопопечительнаго вниманія и архипастырской заботливости въ пятидесятилѣтній юбилейный годъ и воспитанники семинаріи. Заботясь о лучшемъ содержаніи послѣднихъ, архипастырь тогда же сдѣлалъ предложеніе посильно вносить изъ неокладныхъ монастырскихъ суммъ епархіи для усиленія пособій на содержаніе бѣдныхъ учениковъ семинаріи. Монастыри епархіи изъявили готовность предъ началомъ каждаго учебнаго года вносить въ семинарское правленіе, по мѣрѣ возможности, отъ 50 до 200 руб., на что въ особомъ донесеніи Его Высокопреосвященству испрашивали его архипастырскаго разрѣшенія. Высокопреосвящ. митрополитъ отъ 31-го Октября 1864 г. положилъ на этомъ донесеніи слѣдующую резолюцію: „съ утѣшеніемъ видя благопопечительное вниманіе настоятелей монастырей къ бѣднымъ дѣтямъ московскаго духовенства, предлагаю семинарскому правленію предполагаемыя благотворительныя привошенія принять съ благодарностію и объ упстребленіи оныхъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ сдѣлать соображеніе и соотвѣтствующее опредѣленіе.“—Послѣ юбилейнаго торжества жизнь семинаріи приняла обычное теченіе. Но скудость содержанія преподавателей семинаріи, получавшихъ жалованья 429 р. въ годъ, а равно содержаніе начальствующихъ

---

*) Игнатій Рождественскій (1861—1866 г.). Изъ Московской семинаріи, магистръ 17-го курса Московской дух. Академіи 1850 г. Въ томъ же году постриженъ въ монашество и въ Январѣ 1851 г. назначенъ инспекторомъ Московской семинаріи. Въ 1855 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Съ 1857 г. ректоръ Виѣанской, а съ 1861 г.—Московской семинаріи. Съ 1866 г. епископъ Дмитровскій, викарій Московскій. Съ 1878 г. епископъ Костромской, гдѣ и скончался въ 1883 г.

и другихъ служащихъ въ семинаріи лицъ при возраставшей съ каждымъ годомъ дороговизнѣ дѣлаетъ матеріальное положеніе всѣхъ ихъ все болѣе затруднительнымъ, и эта матеріальная скудость дѣятелей семинаріи не ускользнула отъ вниманія заботливаго архипастыря. 28-го Декабря 1865 г. высокопреосвященный митрополитъ сдѣлалъ семинарскому правленію слѣдующее предложеніе: „При сознаніи нужды возвысить оклады служащихъ въ Московской семинаріи, полагается назначить ректору 600, инспектору 250, эконому 250, секретарю 200, библіотекарю 150; восьми наставникамъ каждому по 700, прочимъ двѣнадцати каждому по 600. Соотвѣтственно сему предположенію семинарское правленіе имѣетъ составить таблицу съ показаніемъ, сколько кто получаетъ и сколько нужно прибавить.“ 29-го того же Декабря и года Митрополитъ писалъ: „нужда возвысить оклады служащихъ при семинаріи настоятельна. Посему исчисленную (семинарскимъ правленіемъ) на сіе сумму 4696 р. 90 к. назначается Московскому семинарскому правленію получать отъ Московской каѳедры ежегодно съ 1-го Января 1866 г. доколѣ, по милости Божіей, каѳедра будетъ имѣть для сего способы достаточно удовлетворять потребности семинаріи, при назначеніи вышихъ окладовъ принимать въ соображеніе старшинство службы, важность трудовъ и нужды семейныя.“ Такъ неуспѣшно заботился великій святитель объ улучшеніи матеріальнаго положенія служащихъ при семинаріи лицъ. Благодаря приливу пожертвованій, привлекавшихся со всѣхъ сторонъ по его же возбужденію въ періодъ его управленія Московскою каѳедрою, семинарія не испытывала и особенно острыхъ нуждъ по содержанію бѣднѣйшихъ воспитанниковъ.

Неослабно заботясь въ періодъ времени управленія Московской Митрополіею объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія Московской духовной семинаріи, святитель Филаретъ съ живѣйшимъ вниманіемъ наблюдалъ за нравственнымъ направленіемъ, за занятіями и успѣхами воспитанниковъ семинаріи въ особенности въ наукахъ богословскихъ. Онъ зорко всматривался въ методы преподаванія и словомъ всегда высокоцѣнимаго одобренія поощрялъ даровитыхъ и усердныхъ преподавателей.

Его личное руководство было особенно чрезвычайно важнымъ для семинаріи.

Со времени помѣщенія семинаріи въ столицѣ кажется буквально каждый прошедшій день ея жизни былъ извѣстенъ на Троицкомъ митрополичьемъ подворьѣ. Лица семинарской администраціи—ректоръ,

инспекторъ и даже помощники инспектора обязывались ежедневно,— во время пребыванія Митрополита въ Москвѣ являться на Троицкое подворье и рапортовать Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту о благосостояніи семинаріи за истекшій день по всѣмъ частямъ. Вотъ почему нисколько не удивительно, что святитель Филаретъ рѣдко посѣщалъ семинарію въ обычное урочное время или лучше сказать совсѣмъ не посѣщалъ. Естественно, что таковыя посѣщенія теряли всякое значеніе при ежедневной освѣдомленности митрополита Филарета о жизни семинаріи. Своими личными наблюденіями, замѣчаніями и указаніями онъ руководилъ преподавателей и учащихся всего болѣе во время такъ называемыхъ публичныхъ экзаменовъ. Тутъ, слушая отвѣты воспитанниковъ, онъ любилъ обращаться къ нимъ съ разными вопросами и возраженіями; любилъ испытать насколько знаютъ и понимаютъ воспитанники тѣ отдѣлы, которые представлялись къ публичному экзамену. Тутъ мудрый архипастырь и самъ часто давалъ объясненія по тому или другому вопросу, всегда отличавшіяся глубиною и силою. Покойный ученикъ Московской д. семинаріи,—извѣстный, впоследствии, ученый и публицистъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ такъ описываетъ *) публичный экзамень своего времени: „Вотъ ректоръ и инспекторъ въ ожиданіи владыки.—Ну что вы боитесь, что тревожитесь? Соберите все спокойствіе, будьте смѣлѣе. Чего бояться? вѣдь кто? вѣдь владыка, вѣдь онъ нашъ отецъ,—чего бояться.—Такимъ словомъ успокаиваетъ своихъ питомцевъ ректоръ, держа конспектъ въ рукѣ, которая ходитъ ходуномъ.

„Но вотъ зазвонили, владыка пріѣхалъ; его высаживаютъ изъ кареты и ведутъ, почти несутъ по лѣстницѣ. Лиловая ряса съ бѣлымъ клобукомъ выдѣляется среди черныхъ рясъ и черныхъ профессорскихъ фраговъ съ бѣлыми пуговицами.

„Зала богословская тѣсна, она не можетъ вмѣстить всей семинаріи, тѣмъ болѣе, что цѣлая треть отведена для экзаменующихъ. Скамьи вынесены. Ученики стоятъ,—тѣ классы, которымъ испытаніе предстоитъ, впереди другихъ. Впередъ протиснуться нельзя, духота неимоверная. Въ этотъ то достопамятный день случилось происшествіе, повергшее всѣхъ въ ужасъ. При тѣснотѣ вызываемые къ отвѣту придвигались, но почти не отдѣлялись отъ прочихъ, стоящихъ позади. Вызываютъ ученика. Онъ отвѣчаетъ частію по собственной памяти, частію по подсказу сзади стоящаго суфлера. Встааетъ митрополитъ впезашно изъ

*) „Изъ пережитаго“, ч. II, стр. 154—155.

за стола, беретъ собственноручно суфлера и выводитъ вонъ съ гнѣвнымъ напоминаніемъ, что „шепотникъ“ по гречески называется Διάβολος (діаволь). Шепотникомъ оказался ученикъ перваго разряда, будущій студентъ. Пропаль онъ! Нѣтъ, не напрасно же говорилъ ректоръ, дрожа всѣмъ тѣломъ и чуть не стуча зубами: „вѣдь онъ нашъ отецъ“—чего бояться? Шепотникъ тѣмъ и отдѣлался, что его вывела высокопреосвященная рука.“

Тотъ же экзамень съ еще большею подробностію описываетъ другой очевидецъ Ѡ. А. Гиляровъ въ своихъ „Вопоминаніяхъ“, помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ*). Его описаніе относится уже къ тому времени, когда Московская семинарія переселилась въ домъ графа Остермана. „Экзамень публичный,—пишетъ Ѡ. А. Гиляровъ,—происходилъ въ семинарской церкви, для чего алтарь завѣшивался во всю ширину. Въ сторонѣ, противоположной алтарю, ставился очень большой столъ, окруженный креслами, достаточными для всего профессорскаго состава съ ректоромъ и инспектомъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ ставилось кресло,—которое, кстати сказать, хранится въ семинаріи и до настоящихъ дней,—съ особенно высокою спинкою. Полъ усыпался цвѣтами. Лучшимъ ученикамъ всѣхъ отдѣленій назначалось, что отвѣчать. Билетовъ, какъ на экзаменахъ частныхъ, тутъ не было. Вы чувствуете, что билеты не соответствовали бы этому серьезному, почти религіозно-торжественному представленію. Это было бы не идейно, а мелко травчато-вещественно. Группѣ лучшихъ учениковъ въ 5—6, назначался цѣлый отдѣлъ изъ учебнаго предмета. А тамъ—кому что достанется изъ этого отдѣла: долженъ каждый отлично приготовить все. Ученики всѣ въ сборѣ, профессора и начальство тоже; являлась и публика, большею частію въ священнослужительскихъ рясахъ. Московскіе іереи, иные весьма извѣстные и авторитетные, затерты въ толпѣ учениковъ, составляющихъ два крыла, простирающихся отъ экзаменаціоннаго стола почти до самаго алтаря. Долго ждуть въ томительномъ тоскливомъ молчаніи. Наконецъ съ параднаго входа даютъ знать: „Пріѣхаль!“ Все замерло, оцѣпенѣло; жизнь обнаруживается только въ учащенномъ біеніи пульса и колыханіи непослушнаго сердца. „Идетъ“—пронеслось шопотомъ по всей залѣ, и, какъ сухой осенній листъ при легкомъ дуновеніи вѣтерка на встрѣчу восходящему дневному свѣтлу, зашелестѣли шелковыя рясы ожидающихъ. Раздалось торжественное стройное пѣніе семинарскаго хора и точно вѣтеръ пробѣжалъ по спѣлымъ колосьямъ ржи: склонились головы всѣхъ присутствующихъ. Низенькая,

*) 1904 г., книга 2-я, стр. 111.

крайне худая фигура въ бѣломъ клоукѣ съ блестящими алмазами едва видна изъ заднихъ рядовъ плотной толпы. Садится Митрополитъ, садится по его приглашенію и всѣ педагоги; но ученики и публика остаются на ногахъ. Не садится и ректоръ: экзаменъ начнется изъ догматическаго богословія, преподаваемою ректоромъ. Что это? Важный, величественный, недоступный для насъ, простыхъ смертныхъ, ректоръ склоняетъ колѣни и кладетъ передъ Митрополитомъ земной поклонъ, не фальсифицированный какой либо, а истовый, стоя на обѣихъ колѣняхъ и приподнявшись клобукомъ къ самому полу, вплотную. Подымается ректоръ и остается на ногахъ во все время экзамена по его предмету. Твердо, четко, безъ поправки, безъ запинки лететь рѣчь отвѣчающаго. Но вотъ вѣтеръ пробѣгнетъ по всей человѣческой нивѣ; стоящіе одесную и ошую стола скашиваютъ головы и тѣла свои по направленію къ столу... что это значить? Митрополитъ едва слышнымъ голосомъ дѣлаетъ „возраженіе“ отвѣчающему. Но не слышитъ этого возраженія затерявшійся въ толпѣ учениковъ попъ-магистръ, ради того возраженія и явившійся среди публики. Жаль его, потому что такія возраженія Филарета по богословской наукѣ считаютъ перлами. Незаписанныя, они устно разносились по всей ученобогословской средѣ Московскаго духовенства. Экзаменующійся „богословъ“ отвѣчаетъ по своему разумѣнію на „возраженіе“ митрополита, снова вѣтеръ пробѣгаетъ по зрѣлой нивѣ и наливные и пустые колосья снова склоняются наискось къ столу: но большинству удается при гробовомъ молчаніи разслышать только слова:

— „А какъ же Апостоль Паве ль говорить?— Ученикъ пытается отвѣтить, иногда удачно, иногда нѣтъ,—тутъ наступаетъ страшная минута для ректора „Ты что скажешь?“, доносится слабый голосъ.

„Ректоръ отвѣчаетъ, конечно, большей частію удовлетворительно, ибо и самъ онъ. думаю, еще больше, чѣмъ назначенные къ экзамену ученики, готовился къ такой страшной минутѣ. Но иногда въ отвѣтъ на неудачное объясненіе ректора до волнующейся нови доносится слабый, но металлически-холодный голосъ владыки: „Дуракъ!“

„Въ отвѣтъ на такую краткую, но сильную характеристику, ректоръ колѣбно-преклоняется, какъ бы прося прощенія. Мнѣ не удалось самому быть свидѣтелемъ такой сцены, быть можетъ, по кратковременности моего пребыванія въ семинаріи: я присутствовалъ только на двухъ публичныхъ экзаменахъ. Но близкія мнѣ лица увѣрили меня въ томъ, какъ послухи очевидцы. Митрополитъ на экзаменахъ говорилъ

ученикамъ „вы“, равно и преподавателямъ духовнаго вѣдомства, которые были въ вицмундирахъ. „Ты“ относилось только къ бѣлому и черному духовенству.

Ректоръ не былъ застрахованъ при отвѣтахъ учениковъ и по другимъ духовнымъ предметамъ, хотя-бы и не его преподаванія. Ученикъ не отвѣтилъ на „возраженіе.“ — „Ты что скажешь?“ — обращается митрополитъ къ его „профессору“. Если тотъ удовлетворительно разрѣшитъ возраженіе, тѣмъ дѣло и кончается; но если нѣтъ, митрополитъ скажетъ: „Не такъ. Ты что скажешь?“ — обращается тогда и къ высшей инстанціи, къ ректору. И здѣсь при не удовлетворительномъ рѣшеніи раздается: „Дуракъ!“

Экзаменъ изъ догматическаго Богословія оконченъ. Снова ректоръ дѣлаетъ земной поклонъ. Очередь за нравственнымъ Богословіемъ, преподавателемъ коего былъ при мнѣ инспекторъ Игнатій. Снова колѣнопреклоненія. Экзаменъ продолжается тѣмъ же порядкомъ, но „дурака“ не услышите. И вотъ почему: Игнатій былъ болѣе чѣмъ недалеко (хотя потомъ достигъ и архіерейскаго сана, сначала викарія Московскаго, а потомъ епископа Костромскаго). Какъ то разъ, будучи при мнѣ ректоромъ на частномъ экзаменѣ изъ церковно-библейской исторіи, которую онъ самъ раньше будучи, инспекторомъ, преподавалъ, онъ рѣшился, должно быть по образцу Филарета, сдѣлать возраженіе отвѣчающему, и дѣйствительно возразилъ: „хорошо ли сдѣлалъ Каинъ, что убилъ брата своего Авеля?“ Такимъ образомъ рѣзкая характеристика Игнатія на публичномъ экзаменѣ была бы излишнимъ пустословіемъ и не дали бы присутствующимъ никакой новой идеи. Сверхъ того архимандритъ Игнатій былъ близкимъ родственникомъ Митрополиту Филарету.

За богословскимъ отдѣленіемъ экзаменовалось философское и, наконецъ, риторическое. Чѣмъ ниже, тѣмъ экзаменъ становился легче, по меньшей сравнительно важности предметовъ. Но экзаменовали по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ, конечно, опять таки избранныхъ, назначенныхъ заранѣе.

На переходномъ экзаменѣ въ среднее отдѣленіе назначено было отвѣчать мнѣ изъ геометріи. Можетъ быть, отвѣчалъ я и по другому какому либо предмету: но, помнится, изъ геометріи отвѣчалъ я одинъ только. Математику я любилъ, посильно занимался ею, и радъ быть,

что хотя этимъ могъ отблагодарить Е. Н. Шаврова,¹⁾ заступившагося за меня на училищныхъ экзаменахъ.

Какъ теперь помню, я отвѣтилъ передъ Митрополитомъ опредѣленія геометрическихъ тѣлъ: параллелепипеда, куба, призмы, конуса, цилиндра, шара. Какъ сей часъ вижу холодные, устремленные на меня глаза престарѣлаго Филарета. „Возраженій“, конечно не послѣдовало, да и не могло послѣдовать: Егоръ Николаевичъ и его ученикъ чувствовали подъ собою незыблемую почву, недоступную острію даже Филаретовскаго ума....

Таковы были отношенія въ Бозѣ почившаго митрополита Московскаго Филарета къ Московской духовной семинаріи.

Съ 1867 года православныя духовныя семинаріи въ Россіи вступаютъ на новый путь. Въ нихъ начался сложный процессъ обновленія на началахъ Высочайше утвержденнаго въ этомъ году новаго устава. Маситому іерарху, приснопамятному Митрополиту Филарету, неусыпно заботившемуся въ теченіи всего славнаго полувѣкового служенія церкви въ санѣ первосвятителя первопрестольной Москвы,—о благосостояніи Московской духовной семинаріи по всѣмъ частямъ, трудами котораго она прочно была поставлена и обоснована на своемъ жизненномъ пути,—не суждено было дожить до времени окончательнаго введенія новаго устава въ нашей семинаріи. Горько оплакиваемый всею православною церковію, свѣтильникъ Московской митрополіи, немерцавшимъ, яркимъ свѣтомъ богатой мудрости и мудрой дѣятельности озарившій болѣе полувѣка всю русскую церковь и, по справедливости, создавшій эпоху въ области не одной только семинарской жизни, но и духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ вообще,—угасъ наканунѣ этого времени.

Многочисленному сонму іерарховъ, преемственно занимавшихъ послѣ кончины приснопамятнаго Митрополита Филарета кафедру Московскихъ первосвятителей также не мало приходилось трудиться въ

---

¹⁾ Егоръ Николаевичъ Шавровъ (1839—1870) изъ Виѣанской семинаріи. Кандидатъ—II-го курса Московской Академіи. Съ 1838 г. наставникъ Оренбургской семинаріи. Съ 1839 г. наставникъ Московской семинаріи по классу библейской исторіи и чтенія Св. писанія. Съ 1842 г. помощникъ инспектора семинаріи до 1844 г., затѣмъ опять наставникъ семинаріи по классу физико-математическихъ наукъ. Въ 1868—1870—вторично помощ. инспектора семинаріи. Въ 1870 вышелъ изъ семинарской службы и былъ инспекторомъ Коммерческаго училища въ Москвѣ.

дѣль благоустройства Московской духовной семинаріи, хотя справедливость требуетъ отмѣтить, что общая совокупность ихъ трудовъ по семинаріи стоитъ далеко на заднемъ планѣ предъ дѣятельностію въ этомъ отношеніи Митрополита Филарета. Причину этого естественно слѣдуетъ искать прежде всего въ томъ продолжительномъ періодѣ времени, въ который Московская духовная семинарія находилась подъ непосредственнымъ водительствомъ святителя Филарета. Но все же глубокоблагодарными воспоминаніями отъ лица семинаріи должна быть особенно отмѣчена, хотя наиболѣе крупныя черты, дѣятельность многихъ изъ Московскихъ первоіерарховъ, преемниковъ Филарета. Такъ ближайшій изъ нихъ святитель-апостоль Иннокентій много содѣйствовалъ и указаніемъ для изысканія источниковъ матеріальныхъ средствъ, потребность въ которыхъ стала особенно остро ощущаться при введеніи въ жизнь семинаріи Устава 1867. Прежде всего въ первый же годъ своего вступленія на московскую кафедру онъ сдѣлалъ распоряженіе списать со счетовъ каедральной кассы долгъ семинаріи Перервинскому монастырю, выдававшійся разновременно на покрытіе разностороннихъ матеріальныхъ нуждъ заведенія. Къ концу 1867 г. этотъ долгъ возросъ до суммы 15,271 р., а съ училищами, которымъ подавалась также въ видѣ разновременныхъ ссудъ помощь отъ каедры до 44,523 рублей. Кромѣ того Его Высоко-во соблаговолилъ ассигновать изъ средствъ Московской каедры 18,000 р. на постройку рекреационной залы въ семинаріи въ два свѣта*). Преемникъ Иннокентія, Митрополитъ Макарій продолжалъ, что началось еще при Иннокентіи, милостиво давать на отопленіе наставническихъ квартиръ ежегодно по 400 р. и, за недостаткомъ самыхъ квартиръ для нихъ. въ квартирное пособіе одному изъ наставниковъ тоже по 400 р. въ годъ. По ходатайству почившаго владыки Макарія до начала истекшаго 1913—14 учебнаго года святѣйшимъ Синодомъ изъ духовноучебнаго комитета въ дополненіе къ штатнымъ окладамъ содержанія наставниковъ съ 1-го Іюля 1882 г. выдавалось ежегодное пособіе въ 3000 р., изъ каковой суммы на домъ каждаго наставника приходилось 17—18%. Митрополитъ Іоаннікій впервые посѣтилъ Московскую семинарію 29 Сентября 1882 г. и осмотрѣвши оную подробно отъ церкви до кухни, 20-го Октября того же года вручилъ ректору семинаріи 1100 р. на содержаніе десяти стипендіатовъ. Онъ же исходатайствовалъ у Св. Синода ежегодный отпускъ почти 2500 р. въ дополненіе къ 14 съ небольшимъ тысячамъ

---

*) Изъ этого же послѣдняго источника въ періодъ управленія Московскою каедрою митрополита Иннокентія содержалось сверхштатное третье параллельное отдѣленіе иногда для одного перваго, а иногда вмѣстѣ для перваго и втораго классовъ семинаріи.

руб., ассигнуемымъ на содержаніе семинарскихъ зданій. Кромѣ того лѣтомъ 1885 г. исходатайствовалъ собственно на обремонтированіе двухъ преподавательскихъ квартиръ въ больничномъ корпусѣ 2000 р. Въ 1888 г. митрополитомъ было разрѣшено семинаріи занять у причта Богородицерождественской на Бутыркахъ церкви 11,000 руб. изъ 5%, для постройки деревяннаго дома съ четырьмя преподавательскими квартирами, — съ тѣмъ чтобы уплата % и погашеніе капитала производились изъ суммъ, получаемыхъ правленіемъ семинаріи отъ земельной аренды. Митрополитъ Іоанникій не остановился на временной только и частной помощи бѣднымъ питомцамъ Московской семинаріи. Вскорѣ же по прибытіи въ Москву, онъ озаботился устройствомъ постоянного и прочнаго опезпеченія для дѣтей духовенства Московской епархіи. Онъ даровалъ немалыя средства для расширенія ученическаго общежитія при семинаріи, для цѣлей котораго была сдѣлана двухъ-этажная каменная пристройка къ бывшему столовому корпусу и вмѣстѣ съ тѣмъ произведены значительныя исправленія и въ прежнихъ корпусахъ, на что употреблено было болѣе 80,000 рублей собственно изъ мѣстныхъ средствъ Московской каѳедры. Архипастырь Іоанникій взялъ всецѣло на себя содержаніе дѣтей московскаго духовенства, освобождая ихъ отъ всякихъ взносовъ за содержаніе въ семинаріи, при этомъ и для состоятельныхъ родителей оставляя взносы въ размѣрѣ уменьшенномъ. Это достохвальное дѣло, совершенное благозачотливымъ архипастыремъ по всей справедливости указываетъ въ Бозѣ почившему святителю Іоанникію ближайшее послѣ Митрополита Филарета мѣсто на страницахъ исторіи Московской духовной семинаріи. Строгій до суровости въ обращеніи съ подчиненными — такъ онъ, присутствуя перѣдко на семинарскихъ экзаменахъ, никогда не приглашалъ наставниковъ семинаріи садиться, и они должны были вмѣстѣ съ ректоромъ производить экзаменъ стоя, — митрополитъ Іоанникій тѣмъ не менѣе всегда весьма былъ благорасположенъ къ семинаріи. Покидая Москву для занятія Кіевской митрополичьей каѳедры при прощаніи съ семинарской корпораціею въ рекреационномъ семинарскомъ залѣ въ Бозѣ почившій святитель выражалъ непритворную скорбь о томъ, что ему не удалось, въ періодъ пребыванія въ Москвѣ, ничего существеннаго сдѣлать, и что онъ намѣренъ былъ бы сдѣлать для матеріальнаго обезпеченія почтенныхъ труженниковъ духовной школы.

Не останется, наконецъ, безслѣднымъ на страницахъ исторіи Московской духовной семинаріи и имя благополучно здравствующаго нынѣ первоіерарха Русской церкви высокопреосвященнѣйшаго митрополита Владиміра. Онъ горячо любилъ семинарію и всегда съ уваженіемъ

относился къ трудамъ семинарскихъ наставниковъ. Часто посѣщая семинарію и присутствуя на урокахъ наставниковъ, высокопреосвященнѣйшій архипастырь, повидимому, съ особенною любовію посѣщалъ семинарію во время экзаменовъ. Здѣсь онъ обращалъ преимущественное вниманіе на отвѣты воспитанниковъ старшихъ классовъ, предназначавшихся для поступленія въ Академію. Нѣкоторые современные профессора Московской духовной Академіи изъ бывшихъ воспитанниковъ Московской семинаріи были извѣстны такимъ образомъ митрополиту Владиміру еще на школьной семинарской скамьѣ. Видимымъ вещественнымъ знакомъ благопопечительной заботливости архипастыря о семинаріи было устройство двухъэтажнаго каменнаго зданія въ семинарскомъ саду, для помѣщенія въ ономъ восьми наставническихъ квартиръ со всеми необходимыми при нихъ службами. Средства для устройства этого дома, по распоряженію Его Высокопреосвященства отпущены были заимобразно въ суммѣ свыше сорока тысячъ изъ капиталовъ Николоперервинскаго монастыря. Съ устройствомъ означеннаго дома все наставники Московской духовной семинаріи обеспечены стали болѣе или менѣе удобными квартирами, и такъ называемый „квартирный вопросъ“, долгое время настойчиво требовавшій разрѣшенія и стоявшій на очереди, устранился отнынѣ самъ собою. Въ исторіи Московской духовной семинаріи послѣ филаретовскаго времени только лишь двумъ іерархамъ, преемникамъ Филарета—митрополитамъ Леонтію и Сергію не довелось сдѣлать чего либо существеннаго для благосостоянія семинаріи или основать какое либо вещественное напоминаніе о себѣ. Причину этого, конечно, естественнѣе всего усматривать въ кратковременности служенія того и другого изъ упомянутыхъ іерарховъ въ санѣ столичныхъ первосвятителей. Однако всегда благосклонно относясь къ семинаріи и ея дѣятелямъ, первый изъ нихъ, Митрополитъ Леонтій, неоднократно посѣщалъ семинарію и преимущественно въ урочное время. Неоднократно въ торжественные дни семинарскихъ празднествъ въ день храмоваго праздника и годичнаго акта служилъ божественную литургію въ семинарскомъ храмѣ и раздѣлялъ братскую трапезу съ корпораціею наставниковъ семинаріи. Намъ живо припоминается эпизодъ изъ жизни семинаріи, имѣвшій мѣсто во время пребыванія на Московской митрополичьей кафедрѣ второго іерарха—Митрополита Сергія.

Разумѣемъ первое представленіе и знакомство семинарской корпораціи съ Митрополитомъ по вступленіи его въ управленіе Московскою Митрополіею. На Троицкомъ митрополичьемъ подворьѣ на третій или на четвертый день по вступленіи святителя въ управленіе столич-

ною каедрою наставники семинаріи были приняты Митрополитомъ Сергіемъ въ 5-6 часу вечера. Приемъ состоялся въ первой послѣ передней залѣ. Не спѣша, строго размѣреннымъ шагомъ вышелъ маститый іерархъ на встрѣчу семинарской корпораціи. Всѣ стали благоговѣнно подходить подъ благословеніе къ Митрополиту, суровый видъ котораго внушалъ невольно какую то особенную робость. Ректоръ семинаріи, архимандритъ Климентъ¹⁾ поименно рекомендовалъ каждаго изъ представлявшихся. Окончивъ благословеніе, митрополитъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, приблизительно такого, сколько помнится, содержания: „Московская духовная семинарія всегда, сколько мнѣ извѣстно, стояла на высотѣ своего призванія и изъ нея всегда выходили лучшіе воспитанники для духовной Академіи, служившіе впослѣдствіи славой и украшеніемъ церкви. Вотъ на примѣръ мой курсъ: Семень Протопоповъ²⁾, Иполитъ Богословскій³⁾, Сергѣй Смирновъ⁴⁾. Желаю чтобъ и вы, современные дѣятели семинаріи,—достоподражали своимъ предшественникамъ и воспитывали всегда достойныхъ служителей алтаря Христова! Я къ вамъ приѣду... и приѣду внезапно“, заключилъ свою рѣчь владыка. Однако архипастырь не сдержалъ своего обѣщанія, торжественно даннаго семинарской корпораціи, и ни разу не удосужился во все время пребыванія въ Москвѣ посѣтить подначальную ему семинарію въ обычное урочное или экзаменаціонное время. Только лишь по случаю торжественнаго семинарскаго акта и полного обновленія семинарскаго храма онъ совершилъ въ послѣднемъ богослуженіи въ присутствіи В. К. Саблера, тогда еще товарища обер-прокурора Св. Синода и многочисленныхъ гостей изъ высшаго московскаго духовнаго извѣстнаго общества. За литургіею онъ произнесъ предъ началомъ молебна назидательное поученіе, обращенное къ воспитанникамъ и наставникамъ семинаріи, а по окончаніи торжественнаго

¹⁾ Климентъ Верликовскій изъ воспит. Минской семинаріи и кандидатъ С.-Петербург. Академіи. Былъ инспекторомъ и ректоромъ Холмской семинаріи, а затѣмъ Московской, настоятелемъ посольской церкви въ Римѣ, затѣмъ епископъ Уфимскій, Каменецъ-Подольскій. Умеръ на покоѣ, въ званіи епископа Винницкаго въ одной изъ психіатрическихкихъ лѣчебницъ въ Москвѣ. Погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ.

²⁾ Семень Протопоповъ, магистръ 14-го курса М. д. Академіи, въ монашествѣ Серафимъ, былъ бакалавромъ и инспекторомъ Казанской Академіи. Съ 1866 викарій Новгородской епархіи; съ 1869 г. епископъ Смоленскій и Рижскій, а съ 1877—Самарскій.

³⁾ Иполитъ Богословскій. Магистръ 14 курса—протоіерей Московской Троицкой на Арбатѣ церкви. Пользовался особенною любовью и популярностью въ средѣ Московской дворянской аристократіи.

⁴⁾ Сергѣй Смирновъ—магистръ 14 к. Академіи—докторъ Богословія, ординарный прѣфессоръ. Съ 1870—78 инспекторъ, съ 1878—1885 ректоръ Академіи. Скончался митрофорнымъ протоіереемъ въ отставкѣ въ 1888 г.

акта обращенную къ воспитанникамъ семинаріи рѣчь, въ которой вспоминалъ годы своего образованія въ духовной школѣ. Въ отношеніи ближайшаго и непосредственнаго сношенія съ семинаріею,—какъ главный начальникъ Митрополитъ Сергій долженъ былъ помянуть какъ строгій и взыскательный іерархъ по части переписки канцелярскихъ бумагъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе нерѣдко возвращать обратно для новой переписки официальную бумагу, если ему казалось, что не съ такимъ, какъ того требовалъ онъ, отступленіемъ отъ концовъ бумажнаго листа начинался титулъ Его Высокопреосвященства, при этомъ мѣсто на листѣ четко переписанной бумаги, надъ которою писецъ иногда просиживалъ ночи, гдѣ долженъ начинаться *титулъ*, онъ отчеркивалъ синимъ карандашомъ. Такъ нерѣдко и высокопросвѣщенные люди стремятся „отцеждать комара,“ полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что они выполняютъ дѣла чрезвычайной важности...

Н. Кедровъ.

